

ТАТЬЯНА АБАЛОВА
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
СКАЗКА

ПРЯНИЧНЫЙ
ДОМИК
АГНЕСКИ КРАВЧИК

Татьяна Абалова
Пряничный домик
Агнешки Кравчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69912799

SelfPub; 2023

Аннотация

Если на святки взялась призывать суженого-ряженого, будь готова к тому, что он следит за тобой с другой стороны зеркала. А однажды, когда на землю опустится черная-пречерная ночь, он явится и заберет твое сердце...

Содержание

1.	4
2.	10
3.	16
4.	22
5.	28
6.	34
7.	40

Татьяна Абалова

Пряничный домик

Агнешки Кравчик

1.

Катаржина в нетерпении ерзала на стуле. Хотя внучке Агнешки Кравчик шел семнадцатый год, в Гвяздку она становилась сущим ребенком. В деревне горожанка Кася превращалась в непоседу, жадную до всего того, что может дать провинциальная жизнь с ее сохранившимися устоями и обрядами. Вместе с детьми караулила первую звезду, чтобы радостными криками известить бабушкиных гостей о начале праздничного застолья, верила, что кусочек оплатки непременно исполнит тайное желание, а съев хлебец, жила в предвкушении чуда.

– Бабушка, бабушка, а гадать уже можно? – Серые глаза Катаржины горели в предвкушении предстоящего действия. Святки, на которые она возлагала большие надежды, вот-вот начнутся. Ее так и подмывало сунуть руку под скатерть и вытащить самую длинную соломинку, как доказательство того, что грядущий год будет гораздо лучше уходящего. – На часах почти полночь!

Хозяйка усадьбы, сидящая во главе рождественского стола, укоризненно покачала головой, но залюбовавшись на внучку, улыбнулась.

– И в кого ты такая нетерпеливая? – Агнешка прекрасно знала ответ на вопрос. Сейчас она словно в зеркало смотрелась: только лицо без морщин да русые, не испорченные сединой волосы выдавали разницу между постаревшим оригиналом и его пышущим здоровьем отражением. – Разве в Варшаве на Анджейки не наворожилась вволю?

Катаржина, еще раз взглянув на циферблат, где минутная стрелка застыла в нескольких шагах от двенадцати, досадливо опустила край праздничной скатерти.

Анджейковскую ночь и вспоминать не хотелось. Подруги привели с собой девушку, у которой исполнились все прошлогодние гадания, и та с видом знатока постоянно одергивала Касю. Все холере ясной было не по душе. Кася притащила соседского пса, чтобы мохнатый съел лакомство у той, что первая выскочит замуж, а, оказывается, надо было принести гуся. Его предсказание, видите ли, надежнее. Ну откуда в городской квартире взяться живому гусю?!

Катаржина вздохнула, и чтобы заглушить страдания от нахлынувших воспоминаний, отхлебнула сладкого узвара.

И чесночный крест от упырей она нарисовала не на той двери, и башмак швырнула не через то плечо, да и закончились Анджейковские гадания полным крахом. Расплавленный воск, пропущенный через ушко амбарного ключа, за-

стыл такой нелепой фигурой, что Катаржина готова была разрыдаться. Вместо лика таинственного суженого на ее ладони лежала свинская харя. Вся надежда оставалась на святки. А тут бабушка со своим «давайте поговорим». Словно они не успеют наговориться за те три праздничных дня, на которые вся семья собралась вместе.

– Давайте хоть сегодня подольше посидим за столом, – произнесла Агнешка, удерживая за руку сына, собравшегося покурить. – А то разбредетесь, кто куда... Может это мое последнее Рождество с вами.

– Что вы такое говорите, мама? – Магда укоризненно посмотрела на свекровь. – Вам еще жить да жить!

– Мама, опять ты за свое! Два года прошло! – Франчишек досадливо отодвинул от себя бокал с водой, которую ему торопливо плеснула Магда, желая, чтобы муж успокоился. – Не только ты, мы все горюем по отцу, но жизнь продолжается!

– Да, жизнь продолжается, – кутаясь в нарядную шаль, Агнешка с тоской посмотрела на тарелку, которую поставили для нежданного гостя.

Катаржина любила бабушку. Многие в шестнадцать лет представляют, что возраст за шестьдесят – это глубокая старость, но Агнешка Кравчик легко опровергала сложившееся мнение. Особенно когда разъезжала по своим угольям верхом на лошади. Высокая, подтянутая, с озорным блеском в глазах и неизменной улыбкой на лице, она притягивала к себе взгляды. А потому разговоры о том, что ей осталось

недолго, вызывали недоумение, а порой и раздражение. Да, бабушка сильно изменилась после скоропостижной смерти деда. Это отметили все. Агнешка стала какой-то тихой, часто задумывалась, уставившись в одну точку, отвечала невпопад и вздрагивала, если ее окликали. Встревоженные сын и сноха водили ее по докторам, но те ничего серьезного так и не нашли. Поэтому сегодняшние затянувшиеся посиделки Катаржина воспринимала как очередную блажь бабушки.

А за окном слышались смех и пение. Народ колядовал. Где-то там веселились Касины подруги и, наверное, уже точно знали, как выглядит их суженый-ряженный.

– Спасибо, вам, мои дорогие, за прекрасный сочельник. Я как никогда отвела душу.

Уставшие от долгого застолья гости, тихо переговариваясь, разбрелись по огромному дому. Комнат всем хватало. Только во флигель никогда никого не селили. Туда складывалась старая мебель и ставшие ненужными вещи, которые бабушка категорически отказывалась выбрасывать, полагая, что когда-нибудь они пригодятся.

– Кася, – позвала Агнешка внучку, когда та проходила мимо ее приоткрытой двери. Спальню бабушки слабо освещал ночник. – Ты на меня обижаешься?

Катаржина поджала губы.

– Когда-нибудь ты поймешь, как для меня был важен этот вечер. – Агнешка уже лежала в постели, и собранные днем волосы рассыпались по подушке. – В твоей жизни еще не

раз случатся святки и Анджейки, не хмурься. Иди, поцелуй меня.

Когда внучка наклонилась, бабушка крепко ее обняла.

– Помни, я всех вас очень люблю. А тебя особенно, – ее глаза влажно мерцали.

– Мы тоже тебя любим. – Катаржина вздохнула и поцеловала бабушку в седой висок. – А я особенно. Спокойной ночи.

– И тебе добрых снов, милая.

Закрывая дверь, Кася оглянулась. Бабушка повернулась на бок, ее рука потянулась к выключателю. Комната погрузилась в темноту.

«Отчего ее голос дрожал?» – пронеслись тревожные мысли, но идущая навстречу мама отвлекла.

– Давай, быстро в постель, – скомандовала она и, прикрыв рот ладонью, протяжно зевнула.

Праздничное утро проходило шумно и весело. Катаржина помогала накрывать стол для рождественского завтрака. На белоснежной скатерти, украшенной живыми еловыми веточками, дразнились ароматами свиные колбаски и тушеные в сметане грибы, исходили паром вареники с вишней. Ноздрястый сыр, нарезанный тонкими ломтиками, радовал глаз солнечным цветом, а горячий хлеб с хрустящей корочкой заставлял сглатывать голодную слюну. Капельки воды, ползущие по принесенной из погреба бутылке, притягивала взоры жаждущих испробовать знаменитую сливовицу, собственно-

ручно приготовленную пани Агнешкой. Прошел сочельник с его постной едой и запретом на спиртное, а потому насыщенный цвет и незабываемый вкус вина делали для мужчин ожидание предстоящего застолья особо волнительным.

– Франек, позови маму! – Магда как последнюю точку поставила на стол плошки со сметаной и по–летнему пахнущим малиновым вареньем. – Можно садиться.

Произнесенные слова послужили долгожданным сигналом. Возбужденные ароматами гости заторопились занять свои места, лишь кресло хозяйки усадьбы оставалось пустым.

– А мамы в спальне нет. – Франчишек, спускаясь по широкой лестнице, ведущей на второй этаж, выглядел растерянным. – Я обошел все комнаты, но ее нигде нет. Кто–нибудь видел пани Агнешку?

Гости переглянулись, заговорили все разом, мужчины неохотно отставили наполненные зубровкой и сливовицей рюмки.

2.

Сначала Агнешку искали единицы, но по мере того, как поступали вести, что «в подвале ее нет», «на чердаке тоже», «да и во флигеле пусто», к поискам присоединились остальные.

После расспросов, беготни по дому, ауканий в надежде, что Агнешка отзовется, открылось несколько таинственных фактов. Во–первых, хозяйку дома с самого сочельника никто не видел. Во–вторых, что особо поразило женскую половину гостей, ночная сорочка пани Агнешки, любительницы чистоты и порядка, валялась на полу, а постель оказалась небрежно застеленной.

– Она что, ушла босиком? – Сын озадаченно смотрел на полусапожки из мягкой замши, сиротливо стоящие под кроватью. Многие знали, что в последнее время у Агнешки болели ноги, и она даже по хорошо отапливаемому дому ходила в удобной теплой обуви.

– Похоже, что сегодня бабуля выбрала туфли на каблуке, – Катаржина распахнула дверцы шкафа шире, и все увидели обувную коробку со сдвинутой крышкой и ворохом шуршащей бумаги, в которую обычно заворачивают новую или дорогую сердцу обувь.

– Я не вижу то нарядное платье, что Агнуся берегла со времен нашей молодости, – задумчиво сообщила кузина ба-

бушки – тетушка Ядвига, передвигая плечики с одеждой. – Такое креп–жоржетовое, в цветочек. Она им особо дорожила.

– Пальто! Нужно посмотреть, на месте ли пальто!

Нешуточное волнение началось лишь тогда, когда перетрясли все верхние вещи и поняли, что бабушкины полушубок, пальто и даже рабочая куртка, в которой Агнешка ходила в конюшни, остались на месте.

– Выходит, пани не покидала дом?

– Или ушла в одном платье и туфельках под холодный дождь.

В этом году зима не баловала снегом.

Продолжительные поиски на подворье и у соседей не увенчались успехом. Пришлось вызывать полицию.

День клонился к концу, когда прибывший участковый, выражая тихое недовольство тем, что приходится работать в праздник, приступил к досмотру «места преступления». Гости, которым советовали не расходиться, молча следовали за находящимся при исполнении соседом. Разговаривать и лезть с пояснениями без всякой нужды он запретил.

Хмурясь, пан Яцек исследовал комнату за комнатой, заглядывал в каждый шкаф и сундук, не поленился подняться на чердак и спуститься в богатый запасами погреб, где, непрестанно вздыхая, напился рассола, зачерпнув его из бочки с солеными огурцами, и ласково погладил бутылку со сливовицей.

– А здесь у нас что? – Участковый остановился у двери, ведущей во флигель.

– А, всякий хлам, – Франчишек устало махнул рукой. По его сомкнутым в тонкую линию губам можно было догадаться, что он недоволен действиями полицейского. Вместо того чтобы кинуть все силы на поиски Агнешки за пределами усадьбы, пан Яцек битых два часа заглядывал туда, где уже сотню раз все осмотрели.

Участковый терпеливо дождался, когда принесут ключи и отомкнут дверь, ведущую во флигель. Старая мебель, накрытая простынями, излучала какую-то обреченность. Рояль с разохшимися клавишами, помпезная горка с треснувшим стеклом, диваны и стулья с выцветшей от времени обивкой, сундуки с игрушками, посудой и вышедшими из моды платьями – все это собиралось и хранилось по странному желанию Агнешки. Скорее всего, вещи были ей дороги, как воспоминание о родителях и годах счастливого детства. Подтверждением тому служил большой, искусно украшенный серебром и некогда яркими звездами пряничный домик, куда легко мог поместиться взрослый. Даже сегодня такой игрушке позавидовал бы любой ребенок. Девочку Агнешку определенно баловали. Оно и не мудрено. Усадьба, в которой росла будущая пани Кравчик, принадлежала еще ее деду, знаменитому на все Западно-Поморское воеводство коневоду пану Зелинскому.

– Смотрите, бабушкина шаль! – Катаржина, обойдя пря-

ничный домик, наткнулась на кресло–качалку, со спинки которого свисал край приметной вязаной вещи. Качнувшееся кресло неприятно закрипело. От этого звука у Каси по спине поползли мурашки, а последующий окрик участкового и вовсе заставил вздрогнуть.

– Не трогать! Ни к чему не прикасаться!

Все перестали дышать, когда пан Яцек двумя пальцами начал медленно приподнимать шаль. На фоне пряничного домика, поблескивающего серебристыми узорами, осторожные движения участкового смотрелись как профессиональные действия фокусника, могущего вытащить из–под покрова не только кролика, но и бабушку. Когда шаль наконец–то сняли, по комнате пронесся вздох облегчения – Агнешки в кресле не оказалось. Но зритель все–таки был вознагражден.

– Письмо, там лежит письмо!

– Это мамин почерк! – Франчишек буквально выхватил конверт с надписью «Моим родным» из рук участкового и торопливо открыл.

Пан Яцек надул было щеки, чтобы с возмущением опротестовать нарушающие сыск действия, но услышав то, что читал срывающимся голосом сын хозяйки, отступил.

«Мои дорогие! Простите, что заставила волноваться и испортила светлый праздник. Я не могла поступить иначе. Я ухожу. Нет, не пугайтесь. Я жива и здорова. Пусть вас не сильно огорчат мои слова, но я ухожу туда, где меня ждут долгие пятьдесят лет. Надеюсь, я обрету свое счастье с тем,

кого давно люблю. Не ищите. Прощайте».

Из дрожащих пальцев Франчишека выпало несколько листков. Они белыми птицами разлетелись по полу. «Моему сыну Франеку», «Магде», «Внучке Касе», «Кухине Ядви́ге» – каждый из семьи Кравчик получил свою прощальную записку. Даже участковый пан Яцек нашел слова, адресованные ему.

– Пани Агнешка пишет, что в девять придет адвокат и огласит ее завещание, – растеряно оглянулся он на Франчишека, который, нахмутив брови, вновь и вновь перечитывал свою страницу. Магда тихо плакала, обняв хлюпающую носом Катаржину.

– Уже почти девять! – Кто-то продемонстрировал наручные часы остальным.

В тот самый момент, когда вся компания во главе с паном Яцеком добралась до парадной двери, раздался звонок. Адвокат проявил особую для праздничного дня пунктуальность.

– Зачем нам старый пряничный домик?! – воскликнула Кася, услышав волю Агнешки. – Зачем вообще все это?! Раздала рождественские подарки, чтобы было не так больно от ее предательства?! Бабушка вообще понимала, что творит?

– Катаржина, прекрати! – Замечание мамы и какой-то больной, затравленный взгляд отца, брошенный на дочь, подействовали. Густо покрасневшая Кася опустила голову. Ее пальцы нервно мяти носовой платок.

Каждый из тех, кто был приглашен хозяйкой усадьбы, получил от нее «подарок на Рождество» – так Агнешка назвала перечисленные ею средства и имущество.

Сын, шокированный поступком матери, не проявил никаких эмоций даже тогда, когда узнал, насколько стал богат. Владея всем состоянием Зелинских, он должен был выполнить единственное условие – никогда не продавать усадьбу и хранящийся во флигеле пряничный домик.

– Да, Катаржина, пани Агнешка Кравчик находилась в здравом уме и твердой памяти, – равнодушным голосом подтвердил адвокат, раскладывая бумаги по папкам. В его огромных очках отражалась елка, веселые огни которой так и не выключили.

– Я все равно буду ее искать, – упрямо произнес Франчишек, когда пан Яцек следом за адвокатом засобирился домой. Все гости, кроме самых близких родственников, покидали усадьбу, правильно рассудив, что семье Кравчик сейчас не до праздников. В доме, несмотря на щедрые «рождественские подарки», царило уныние.

3.

– И что в тебе такого важного? – Катаржина, одетая лишь в длинную ночную сорочку, ходила вокруг пряничного домика. Возбужденная событиями дня, внучка Агнешки никак не могла уснуть, а потому решение отправиться во флигель и осмотреть странный подарок казалось правильным. Разговаривая сама с собой, Кася водила пальцем по облезшей позолоте резных наличников, трогала осыпающиеся серебром картонные сосульки, пытливо вглядывалась в потускневшую роспись стен, словно та могла подсказать ответы на мучившие девушку вопросы. Почему бабушка цеплялась за старую игрушку? Почему никогда не рассказывала историю пряничного домика? Почему не давала поиграть в нем, ведь будучи ребенком Кася не обошла бы стороной столь замечательную вещь?

Шестиконечная звезда, украшающая дверь, покривилась – видимо снимаемая Касей простыня зацепила ее.

– Ой! – воскликнула Катаржина от неожиданности. Символ Рождества, стоило дотронуться до него рукой, полыхнул холодным огнем. Заиграла негромкая музыка, сродни той, что издают шарманки на ярмарке или дамские шкатулки, на крышке которых танцуют пастушок и пастушка.

«Наверное, звезда запустила какой-то механизм», – рассудила Кася, вслушиваясь в механические звуки и рассмат-

ривая ожившую игрушку. Из окон домика струился мягкий свет. Под его влиянием свисающая с крыши вата стала походить на искрящийся снег, а узоры, коими славны рождественские пряники, вернули себе насыщенный цвет.

Ногам стало зябко, и Кася, посмотрев вниз, рассмеялась. Ей на мгновение почудилось, что она стоит на снегу. А на самом деле, всего лишь забыла надеть тапочки. Сквозняки, гуляющие в неотапливаемом флигеле, заставили накинуть на плечи бабушкину шаль. Потревоженное кресло–качалка опять неприятно заскрипело.

– Ничего не понимаю, – произнесла Катаржина, заглянув внутрь домика: на противоположной стене находилась еще одна дверь, которую при наружном обходе невозможно было не заметить. – Нарисованная что ли?

Если неведомый художник и нарисовал дверь, то весьма искусно: медные петли и ключ, торчащий из замочной скважины, выглядели как настоящие.

Пришлось пригнать голову, чтобы зайти в домик. Если снаружи Касе казалось, что свет льется из окошек, то теперь она с удивлением обнаружила, что комнатка освещается лунной, позволяющей разглядеть и полосатые обои, шелковистые на ощупь, и бумажные цветы в горшках, что стояли на подоконниках, и...

Тут Кася замерла. За окном царила зима. Самая настоящая. С неба сыпались снежинки и легким слоем ложились на растущие поодаль ели. Налетающий порывами ветер за-

ставлял лесных красавиц вздрагивать и скидывать снег с зеленых лап.

– Что за чудеса? – Дотронувшись до стекла, расписанного ледяными узорами, Катаржина отдернула руку. На пальце медленно таяла изморозь.

Очередной порыв ветра открыл «нарисованную» дверь и кинул в лицо острые снежинки.

– Этого не может быть! – произнесла девушка, выбираясь из домика. Под ногами хрустел снег, но удивленная Кася совсем не чувствовали холода.

Несколько шагов и за елями открылся сказочный по красоте замок. Его остроконечные крыши венчали флюгеры в виде звезд, мозаичные стекла расцветивали стрельчатые окна, ажурные арочные переходы своей красотой заставляли затаить дыхание, а полощущиеся на ветру знамена, развешанные на высоких шпилях башен, напоминали восхищенному зрителю, что великолепное здание вовсе не картинка.

Входных дверей нигде не было видно.

«Наверное, я вышла к тыльной стороне», – догадалась Катаржина, подходя ближе. От волнения она так вцепилась в шаль, что шерстяные нити, врезавшиеся в пальцы, доставляли боль. Но Кася не замечала ее. Загадочный замок манил своими огнями, хотя чувство самосохранения кричало: «Уходи! Возвращайся назад!».

Стоя под окнами, она вслушивалась в тишину, нарушаемую лишь хлопаньем стягов над головой да шелестом дере-

вьев в лесу. Ни музыки, ни людских голосов, ни лая собак, ни переключки стражи, которая без сомнения должна охранять богатый замок.

Один из вазонов с вьюном, цепляющимся высохшей лозой за неровности каменной стены, стоял так близко от окна, что у Каси появилась безумная мысль забраться на него и выяснить, кто же живет в замке. Воображение рисовало утонченных принцев, читающих на распев сонеты, принцесс в воздушных платьях, прячущих прекрасные лица за веерами, слуг в ливреях, несущих на блюдах яства, и породистых псов, лежащих у жарких каминов и лениво прислушивающихся к человеческой речи.

Стоило Катаржине забраться на вазон и подняться на цыпочки, чтобы заглянуть в освещенное окно, как с другой стороны стекла выросла черная фигура. От неожиданности Кася вскрикнула. Все, что она успела заметить, прежде чем кубарем слетела вниз, были темные глаза и грозно сдвинутые брови незнакомца.

Звук открывающегося окна заставил девушку поползти на четвереньках прочь, а когда она, выпутавшись из длинного подола ночной рубашки, сумела подняться, припустилась в ту сторону, где, как ей казалось, находится пряничный домик. Животный страх, причину которого она не смогла бы объяснить даже самой себе, гнал ее домой.

Все ближе слышались режущие слух звуки горна, возбужденные крики людей, которые должно быть охотились на бег-

лянку, но убежище, к которому Кася стремилась, так и не появлялось.

– Мамочки! Мамочки! – шептала девушка, петляя между деревьями, проваливаясь в сугробы, закрываясь локтем от еловых лап, которые так и норовили хлестнуть по лицу. Скрип сосен, упирающихся верхушками в небо и подрагивающих под напором ветра, оглушал, но сердце Каси стучало сильнее.

Неожиданно перед ней открылась поляна, и беглянка на секунду замерла, лихорадочно соображая, куда же кинуться дальше. Заметив горку, поросшую низкорослым ельником, Кася решила спрятаться под его пушистыми ветвями и хоть чуточку передохнуть. Оглянувшись в последний раз, девушка различила живой огонь в руках преследователей, и где-то там, глубоко в сознании, мелькнуло удивление «Почему факелы? Откуда факелы в наше время?».

Торопливо раздвинув колючие кусты, и сделав шаг в темноту, Кася поехала на спине куда-то вниз... и нашла себя лежащей на мягком ковре в пряничном домике.

С ужасом она обернулась на распахнутую настежь дверь. Снаружи под чьей-то тяжелой поступью скрипел снег. Шаг, другой и неведомый преследователь схватит ее за растрепавшуюся косу и вытащит в темноту. Кася, моля бога, чтобы успеть, извернулась и захлопнула дверцу. Дрожащими руками повернула ключ в замке. Не дожидаясь того, что произойдет дальше, бросилась вон из флигеля.

Ее метания по ночному дому и отчаянный призыв о помощи, могли бы разбудить мертвого, но никто, к ужасу Каси, не вышел ей навстречу. Комната родителей оказалась совершенно пуста, а постель нетронута, словно на дворе и не стояла глубокая ночь.

– Где вы? – срывающимся голосом кричала Кася, кружась по дому, не обращая внимания на прилипающий к ногам подол ночной рубашки, оттаявший в тепле. Добежав до парадного входа, Катаржина рванула дверь на себя, но бушующий на улице ветер окатил ее дождевой водой, намочив то, что еще оставалось сухим после бега по загадочному лесу. – Мама! Папа! Где все?

4.

– Тихо, тихо, доченька! Мы здесь! Доктор, что это? Бред? – Мягкий голос мамы немного успокоил. Кася сглотнула. Сорванное в крике горло ободрало болью.

– На фоне высокой температуры. Боюсь, как бы не началось воспаление легких. Дыхание жесткое, – прохладная рука легла на лоб Каси. – Где же тебя так угораздило, девонька?

– Наверное, она выходила на улицу. Мы нашли ее ночную рубашку совершенно мокрой, – папа говорил тихо, почти шепотом, но в его голосе слышались досада и недоумение.

– Если не сможем сбить температуру, придется везти в больницу.

Кася хваталась за одеяло, которое хоть как-то защищала от озноба, но безжалостные руки сдернули его и задрали одежду. Вздрогнув от иглы, вошедшей в ягодицу, Катаржина жалобно заскулила, но попытка холодом закончилась – одеяло вернули на место.

– Я посижу рядом с ней, – поцелуй мамы в сухой горячий лоб возымел эффект обратный тому, что разбудил спящую красавицу – Кася погрузилась в темноту.

– Ты зачем бегала по снегу босиком? – Катаржина медленно открыла глаза. Над ней стоял тот самый мужчина, с чьим черным взглядом она столкнулась, заглянув в окно замка.

– К–к–кто вы?

Если тогда, в загадочном замке, Кася не успела его разглядеть, и он запомнился, как пугающий и опасный человек, от кого непременно нужно бежать, то сейчас с удивлением обнаружила, что незнакомец молод и хорош собой.

Чем дольше Катаржина смотрела на неожиданного гостя, тем сильнее билось ее сердце. И совсем не страх был тому виной. И не смущение, что лежит в постели, а на голове, скорее всего, образовалось воронье гнездо. Незнакомец ей нравился. И даже очень. Оказывается, его волосы вовсе не были черными, а искрились тем богатым оттенком, что вселяет мысли о расплавленном шоколаде, и из карих глаз, которые наверняка заставили вздохнуть не одну девушку, исчезла пугающая суровость, уступив место любопытству, смешанному с долей иронии. А его замечательная улыбка против воли растягивала рот в ответной улыбке. «Как пить дать, мечтательной и глупой», – спохватившись, Кася накрыла губы краешком одеяла, так как не улыбаться не получалось.

– Ты потеряла, – незнакомец словно не слышал вопроса. Он положил рядом с подушкой аккуратно свернутую бабушкину шаль. – А это оставлю себе, – в длинных пальцах появилась голубая ленточка, которую Кася вплела в косу перед сном. – Голубой цвет – знак любви, скромности и верности.

– К–к–то вы?

– Разве ты не ждала любовь?

Касины щеки загорелись от стыда. Откуда незнакомец мог

знать, что она вытащила пусть короткую и кривую, но зеленую соломинку?

– Не бойся. – Мужчина склонился над ней так низко, что Катаржина ощутила его дыхание. Пахнуло травой, тронутой морозом, рекой, покрывающейся у берега тоненькой и прозрачной коркой льда, лесом, замершим до весны. – Сейчас я тебя поцелую, и ты выздоровеешь.

Да, именно поцелуя Касе и хотелось. Она перевела взгляд на губы мужчины и замерла в ожидании. Лицо незнакомца приблизилось, его черты расплылись. Катаржина закрыла глаза... и почувствовала, что ее целуют в лоб. И не смогла сдержать вздох разочарования.

– Температура спала! – Радостный шепот мамы заставил открыть глаза.

– А где он? – Кася резко поднялась.

– Кто он? – Мама в недоумении оглянулась на отца.

– Мой сужен... – Кася осеклась в неверии. Неужели незнакомец ей приснился? Провела рукой и нащупала под подушкой шерстяной сверток. – Он принес сюда шаль...

– О чем ты, дочка?

– Наверное, тетя Ядвига принесла ее из флигеля. – Голубые глаза отца так отличались от тех, что совсем недавно смотрели на нее с любопытством и интересом.

Мама взяла протянутую папой чашку чая и, набрав в ложку, подула.

– С лимоном. Выпей, горлу станет легче.

Большого разочарования Катаржина никогда не испытывала.

Незнакомец, как и загадочный лес, ей приснились.

Хотя Кася так и не нашла объяснения тому, почему ее ночная рубашка оказалась мокрой и куда подевалась шелковая ленточка, в том, что все рождественские приключения были сном, она доподлинно убедилась через пару дней, когда вместе с мамой сходила во флигель и осмотрела пряничный домик. Звезда не стала гореть ярче, как бы Кася не поправляла ее, музыка не заиграла, да и в домике не обнаружилось второй двери. А за окнами не шумел хвойный лес. Виднелась лишь закрытая простынями старая мебель. Все во флигеле покрылось пылью и до тошноты сладко пахло мышами.

До конца святок Катаржина просидела в усадьбе, слушая бесконечные разговоры отца, обзванивающего подруг и дальних родственников бабушки в попытке понять, куда могла подеваться пани Агнешка, а как выздоровела, родители засобирались домой.

Началась учеба, и мысли о том, какой странный и волнующий сон она видела на Рождество, стали посещать Касю все реже. А потом и вовсе отзывались лишь эхом некоего беспокойства, сжимающего ее сердце в противоречивых чувствах: страха, что пугающий лес вновь ворвется в ее сны, и сожаления, что прекрасного незнакомца на самом деле не существует.

Наследство пропавшей бабушки позволило родителям отправить дочь учиться за границу, где она провела долгих три года. В Лондоне были забыты Анджейки, святки и прочие гадания, а рождественские каникулы вся семья проводила на берегу океана какой-нибудь экзотической страны. Видимо и родителям не хотелось вспоминать события того Рождества, что навсегда разлучило их с пани Агнешкой, предпочетшей неведомого «любимого» семье. Полиция же на все запросы только разводила руками.

Но заболела тетушка Ядвига, и семейству Кравчик пришлось вновь навеститься в старую усадьбу, где кухня бабушки последние годы и проживала. Она следила за хозяйством и слала регулярные отчеты племяннику, который нехотя просматривал их, не желая воспоминаниями беречь душевные раны. Призыв больной родственницы заставил отложить очередную поездку на юг и отправиться на Рождество туда, где во флигеле стоял пряничный домик – последний бабушкин подарок на Рождество.

– Кася! Какой же ты красавицей стала! – всплеснула руками тетушка Ядя, когда Катаржина вошла в комнату больной.

Совсем седая, сухонькая старушка сидела на кровати, обложенная кучей пуховых подушек. Кася непроизвольно сравнила ее с бывшей хозяйкой спальни. Бабушка хотя и была на пару лет младше своей кузины, запомнилась статной и красивой женщиной. «Интересно, какая она сейчас?», – подумалось Касе, и забытая обида вновь ударила тугой волной

боли.

– А где твоя коса? – забеспокоилась Ядвига. Когда Катаржина наклонилась, чтобы поцеловать ее в морщинистую щеку, густо пахнуло сердечными лекарствами. – Не жалко, что отрезала?

– Нет, так легче. – Девушка, распрямившись, тряхнула головой. Гладкие как шелк волосы скользнули по плечам. Как объяснить, что косу с той ночи она не заплетает? Сон сном, но голубая ленточка так и не нашлась, как и не появилось вразумительное объяснение тому, почему Кася забыла, что выходила ночью под дождь. Романтическое настроение, навеянное незнакомцем, очень быстро растаяло, а вот страх, что с ним связаны потусторонние силы, получившие волю на Святки, остался. Этот страх в мыслях Каси неведомым образом связался с потерянной ленточкой, и девушка отрезала косу, чтобы странный сон (не дай божья мать, явь!) не повторился. Воспоминания несли и необъяснимый ужас, и желание увидеть прекрасное лицо вновь. Многим, кто изведал запретное наслаждение, знакомо это чувство.

5.

Сочельник проходил тихо. Родители, да и все немногочисленные гости, собравшиеся в усадьбе, вели себя сдержанно, говорили негромко, почти не смеялись. Ни о каких святочных гаданиях и речи не шло. Следовали многовековым традициям по привычке, без былого воодушевления, мысленно оправдывая себя тем, что в доме находится больной человек, хотя каждый знал, что виной тому события трехгодичной давности, наложившие на праздник невеселый отпечаток.

Стены дома душили Касю, ей хотелось бежать на улицу, чтобы глотнуть морозного воздуха, но удрученный взгляд папы останавливал. «Ему тоже тяжело. Мы – семья и должны держаться вместе».

В полночь все повернули голову в сторону Каси, которая громко вскрикнула. Ее пальцы держали длинную зеленую травинку, хотя девушка вовсе не помнила, когда успела вытащить ее из-под скатерти.

– Год будет хорошим, – мама успокаивающее погладила дочь по плечу. – И ты встретишь замечательного парня.

Кася в панике отбросила травинку, но пани Ядвига рассудила ее жест иначе.

– Магда, отпусти дочку, – тетушка Ядя, как самая старшая родственница, расположилась во главе стола. – Пусть встре-

тится с подружками, поколядует, поворожит. Когда еще получится быть в деревне на Рождество? – И более ворчливо, со слышимым упреком добавила: – Все по заграницам шагаете.

После радостных приветствий повзрослевших подруг, взаимного разглядывания, охов и ахов по поводу перемен во внешности, сообщений о замужестве и рождении первенцев, настроение у Каси заметно улучшилось. Переодевание в старинные костюмы, которые бережно хранились в доме Шиманьских, рьяно следующих национальным обычаям, и во все сделало праздник шумными и веселыми. Огромные сундуки явили нижние рубахи, расшитые руками прабабушек, домотканые полосатые юбки, шерстяные жилеты со шнуровкой впереди, пахнущие нафталином полушубки и кафтаны, и, к всеобщей радости – карнавальные колпаки и маски. Катаржине достались крылья ангела и сверкающий нимб, который особым образом крепился к голове. Правда, нести шест с огромной звездой она не решилась, слишком уж тяжелым оказался непрременный атрибут ватаги ряженных.

Уже затемно девушки, довольные богатым сбором сладостей и денег, вернулись назад. Напившись с мороза горячего узвара, отсмеявшись до боли в щеках, принялись за ворожбу. Поджигали смятый лист бумаги, и рассматривали тень от пепла на стене, бросали золотую цепочку, загадывая, чтобы она свернулась бантом, что точно сулит скорую свадьбу, а потом добрались и до более «точных» гаданий, что непре-

менно ответят на важные девичьи вопросы о суженом–ряженом.

– Касюня! Тебе в новом году замуж выходить! – Подруги обнимали Катаржину, которая с недоверием смотрела на соломинку, что «добралась» до порога по всем правилам гадания. Каждая ворожея отмеряла расстояние до двери своей соломинкой, и только у Каси она уткнулась острым кончиком в порог. Остальные соломинки либо не дотянули, либо перемахнули его.

– Все за ворота, бросаем башмаки! – Потянув за руку, Марыся Шиманьска вывела Катаржину из ступора. – Поглядим–посмотрим, с какой стороны к Касюне суженый–ряженный придет!

Касин сапог, неловко крутанувшись, закопался носом в снег вместо того, чтобы показать в ту сторону, откуда придет жених, или, на худой конец, на порог дома, что однозначно говорило бы – замужества гадальщице не видать.

– И как это понимать? Каблуком вверх лег! Из–под земли, что ли, жених за Каськой явится? Пусть бросит заново! Ой, так нельзя! Перегадывание не считается! – неслось со всех сторон, пока Кася смахивала пушистыми рукавицами непрошеные слезы.

– Айда все в баню ворожить на зеркалах! – И вновь руки Марыси потянули Касю. – Чего плакать? – Маричка, оглядываясь на подругу, широко улыбнулась. – Неправда все это! Баловство!

Подшучивая друг над другом, вновь падая от смеха, в предбаннике разделись до нижних рубах. Сняли украшения и распустили волосы. Потом занесли в хорошо натопленную баню зеркала и зажгли свечи.

– Кто первый пойдет?

– Катаржина! Пусть посмотрит на своего жениха! Ей первой замуж выходить! – Кто-то со смехом пихнул босую Касю в баню и закрыл за ней дверь.

– Не забудь сказать: «Суженый-ряженный, приходи со мной ужинать»! – глухо донеслось из предбанника, а потом раздалось шиканье, чтобы гомонящие затихли.

В бане пахло еловыми шишками и сушеными травами. Жар, идущий от горящих в печи дров, почему-то совсем не согревал. Касю бил озноб, и до боли в пальцах не хотелось дотрагиваться до холодной серебристой поверхности. Во рту пересохло, грудь сжало железным обручем, и слова призыва застыли на губах. Страшила даже мысль заглянуть в созданный отражениями зеркал коридор.

«Баловство! Неправда все это! Никакой суженый-ряженный не явится!» – уговаривала себя Катаржина, косясь на беспокойный огонь свечи.

А страх становился все ощутимее. Пляшущие на стенах тени приобретали зловещие лики и тянули к одинокой ворожее свои руки-щупальца.

Стряхнув оцепенение, Кася поднялась со скамьи и направилась к двери, намереваясь солгать подругам, что провела

гадание, но раздавшийся за спиной треск оборвал сердце.

– Уф! – с облегчением выдохнула крутанувшаяся на пятках Кася. Из печи сыпались искры, а яркое пламя шипело и прыгало на пузырящейся смоле расщепившегося полена. – Какая же я глупая!

Разворачиваясь назад, к двери, она краешком глаза заметила какое-то движение.

И закричала.

Из зеркала на Касю смотрел тот самый мужчина из сна.

– Что?! Получилось?! Он пришел?! Что ты увидела?! Кого?! – В баню влетели подруги, принося с собой прохладу. Но Кася не могла произнести ни слова, лишь показывала рукой на зеркало, где в серебристом коридоре таяла уходящая прочь фигура.

Позже, когда Катаржину отпоили пустырником и горячим чаем, и ее перестал бить озноб, выяснилось, что никто из присутствующих тень в зеркале не видел.

– У страха глаза велики, – успокаивала Марыся, – вот и видится всякая ерунда.

– Я думаю, это обман зрения, – авторитетно заявила Ганна, самая старшая из подруг. – Сначала ты поглядела на горящее пламя, потом перевела взгляд на зеркало, вот и увидела то, чего на самом деле не было. Вот прямо сейчас посмотри на лампу, а потом отведи глаза в сторону. Что видишь? Вот-вот. А если закрыть глаза, так и вовсе цветные круги пойдут.

Все как одна уставились на лампочку, а потом посидели с

закрытымі ірамаі.

– Точно! Молодец, Гануся! У меня круги! А у меня темное пятно на белом фоне! А я суженого–ряженого вижу, только он кривой какой–то! – заговорили разом подруги. Веселое настроение вновь вернулось. – Ну что? Пойдем дальше гадать? А давайте на ключах! Да ну, на улице мороз! Давайте на воске!

– Я, девочки, домой пойду. С меня на сегодня хватит. – Кася поднялась из–за стола. Какая–то невероятная слабость охватила ее тело. Глаза закрывались, а ноги отказывались идти. Благо усадьба от дома Шиманьских была не далеко. – Проводите?

6.

– Нагулялась, деточка, наворожилась? – Тетушка Ядвига словно ждала возвращения Катаржины. Она сидела в кресле перед распахнутой настежь дверью. За спиной горел ночник – шестиконечная звезда.

Кася слабо махнула рукой. Сил хватило бы только на то, чтобы дотащить до своей комнаты и рухнуть на кровать.

– Иди, посмотри, что я нашла, – старушка открыла лежащий на коленях альбом.

– Баб Ядя, я спать, – попыталась отнекиваться Кася, но увидев, как погрузнели глаза родственницы, обреченно вздохнула и шагнула в спальню.

– Я никак не могла понять, почему твоя бабушка скрыла от меня имя возлюбленного, ведь мы с ней с детства не расставались. А найдя это, все поняла. Она не могла рассказать свою историю. Иначе ее признали бы сумасшедшей. – В руках старушки подрагивали листки, исписанные мелким почерком. – Агнешка прятала их за своими фотографиями. Она здесь в том самом пропавшем креп-жоржетовом платье. Видишь?

Катаржина заглянула в альбом, где с потертых снимков улыбалась молодая бабушка.

Взяв в руки исписанные странички, Кася вопросительно посмотрела на тетюшку Ядвигу.

– Утром поделимся впечатлениями, – кивнула старушка, разрешая унести находку с собой. – Одно скажу, я Агнешке верю.

Кася, раздевшись, забралась в постель и бережно расправила сложенные вчетверо странички.

«Моя история началась на рождественской ярмарке, куда я, семилетняя девочка, приехала вместе со своим горячо любимым дедом. Игрушки, елочные украшения, сладости – чего только не продавали румяные от мороза торговки, но все праздничное великолепие померкло, стоило мне увидеть ЕГО. Перед шатром приехавшего из Германии цирка стоял пряничный домик необыкновенной красоты. И я до боли в животе захотела стать его хозяйкой.

– Дедушка, купи!

Я знала свою власть над патриархом рода Зелинских, который таял, стоило поцеловать его в пахнущую табаком щеку и крепко обхватить руками могучую шею.

– Но он же не новый! – пытался отговорить дед. – Вон, смотри, звезда над дверью покосилась. Если хочешь, я закажу такой же в нашей мастерской.

– Нет, хочу этот! – топала я нарядными сапожками.

Директор цирка наотрез отказался продавать пряничный домик, и я проревела весь вечер. Дед вздыхал и прятался за газетой.

Прошла неделя, наступила Гвяздка, а сожаления о пряничном домике так и не отпускали. Все время что-то на-

поминало о нем. То присланные в подарок пряники с похожим узором, то посыпанные сахарной пудрой карамельные сосульки, то нарисованный на открытке Звездный человек, на посохе которого сияла звезда.

И каково же было мое счастье, когда после праздничного ужина дедушка привел меня во флигель, где в украшенной еловыми ветками комнате стоял тот самый пряничный домик.

– Ты все–таки купил его! – закричала я, подбегая к желанной игрушке.

– С Рождеством, милая!

Стоит ли говорить, что мою постель перенесли в домик, ведь я никак не соглашалась покинуть его? А ночью мне приснился сон, что я открыла потайную дверь, переступила порог и оказалась в зимнем лесу. Меня не смущало, что я бреду по снегу в одной рубашке. Во сне всякое случается. Детское любопытство влекло туда, где за деревьями светил огнями сказочный замок, в котором наверняка жил принц.

– Как ты сюда попала, девочка? – спросил человек, вышедший мне навстречу. В его руках горел факел.

– Из пряничного домика, – ответила я и, всмотревшись, поняла, что передо мной стоит самый настоящий принц. Красивый, с длинными до плеч волосами, в богатой одежде...

– Хм, значит сейчас он у тебя?

Принц поднял меня на руки и отнес в замок, где, усадив

в кресло у камина, укутал в теплую шаль.

Я огляделась. Богатое убранство комнаты поражало детское воображение, но более всего меня восхитило зеркало, стоящее на трех изящных ножках в центре комнаты. Оно было инкрустировано золотом и цветными камнями, чьи грани вспыхивали под сполохами каминного огня.

– Кто это? – не удержалась я, когда заметила в нем отражение девушки с распущенными волосами. Та сидела в каком-то темном помещении в одной нижней рубаше, освещенная неярким светом двух свечей. Она заговорила, и я различила слова: «Суженый-ряженный, приходи со мной ужинать».

Красивый незнакомец позвонил в колокольчик, и в комнату вошло еще несколько юношей, как мне показалось, тоже принцев. Они на некотором удалении принялись рассматривать отражение замершей в ожидании девушки, и не обращали на нас никакого внимания, ровно до тех пор, пока «мой» принц не спросил:

– Что? Никому из вас черноокая невеста не нравится?

Только тут они обернулись и обнаружили мое присутствие.

– Генрих, что это за чудное создание?

Так я узнала, что принца зовут Генрих.

– Видимо, моя судьба, – ответил он и протянул мне бокал с чем-то теплым и приятно пахнущим. Пока я пила, изображение разочарованной девушки исчезло, а ее место заня-

ла другая. Стоило ей произнести ту же фразу «Суженый–ряженый, приходи со мной ужинать», как один из принцев выкрикнул: «Моя!» и сделал шаг к зеркалу. Девушка, увидев его, ахнула и закрыла лицо ладонями.

– Ну, все! Выбор сделан, – произнес «жених» с самодвольной улыбкой.

– Вайолет, осторожно. Пряничный домик больше не у германца. Видимо, подлец продал его. – Генрих обернулся ко мне: – Ты проводишь Вайолета в свой домик?

– Как вас зовут, милая дама? – Улыбающийся Вайолет отвесил шутовской поклон и поцеловал мою руку.

– Агнешка, – произнесла я, страшно смущаясь. Ведь я так и не умылась перед сном, и на пальцах виднелись следы от шоколада. Вайолет поднял меня и пошел к выходу, кутая в подаренную Генрихом шаль.

– Агнешка, вспомни обо мне, когда тебе исполнится восемнадцать! – крикнул на прощание Генрих. Принцы разразились громким смехом.

Утром меня разбудил дедушка.

– Вставай, засоня. Рождество проспичь! И иди, умойся. Все лицо в шоколаде.

Как же мне было стыдно! Один раз в жизни повезло увидеть принца (пусть и во сне), а я выглядела как настоящая замарашка!

С той ночи прошло много лет. И ни разу чудесный сон не повторился. Хотя существовала одна вещь, которая ме-

ня сильно смущала – в доме обнаружилась шаль, которую я впервые увидела именно в замке с зеркалом. Все заверения, что я принесла ее из сна, сначала забавляли родителей, а потом мне было строго наказано перестать твердить, что из пряничного домика можно попасть в сказочный мир. Да и я, повзрослев, поняла, что притащить что-либо из сна просто невозможно. Пряничный домик был забыт и пылился во флигеле вместе с другими старыми вещами.

Ровно до тех пор, пока мне не исполнилось восемнадцать.

Наступило Рождество, и мы отправились с подругами колядовать. Насмеявшись до колик, наевшись сладостей, извалявшись в снегу до зубовного стука, нагрянули мы в дом моей кузины Ядвиги погреться, где кто-то вспомнил об обычае гадать на святки.

Разогрели баню, принесли свечи, зеркала и прочую нужную для ворожбы утварь, и принялись вызывать суженого-ряженого. Конечно, ни к одной из нас жених не явился, но повеселились мы вволю. Я даже пересказала свой сон о «принцах», которые с другой стороны зеркала собираются и нас, невест, оценивают.

– Ой, – всплеснула руками Ядя, – выходит, не только ты смотришь в зеркало, но и зеркало смотрит на тебя?

Позже, уже в усадьбе, делясь с бабушкой впечатлениями, мы с Ядвигой узнали, что гадали неправильно – жениха нужно было вызывать в одиночестве и в полной тишине. Только тогда он, может быть, и придет.

7.

Ночью мне не спалось. Не давали покоя воспоминания бабушки о том, что одна из ее подруг видела в зеркале лицо суженого, а спустя год исчезла, оставив записку, что вышла замуж и уехала с любимым навсегда. Этот рассказ удивительно перекликался с моим давним сном, и мне нестерпимо захотелось заглянуть в зеркало. А вдруг я увижу Генриха? Глупость, конечно.

Я не стала будить Ядю, которая посмеялась бы надо мной, и отправилась в баню одна, нарядившись в самое красивое платье. Мне хотелось поразить принца. Одеваясь, я представляла, как приятно удивится Генрих, увидев, в кого превратилась замарашка. Если, конечно, он появится.

И он появился. Стоило только произнести: «Суженый–ряженый, приди ко мне ужинать».

– Агнешка, я иду за тобой, – произнесло в зеркале отражение того, чьи прекрасные черты отпечатались намертво в моей памяти. И я вдруг поняла, что детская влюбленность никуда не делась, и как бы я не уговаривала себя, что давние события не могли произойти на самом деле, в душе всегда верила, что той рождественской ночью побывала в гостях у принца.

– Только не произноси «Чур, меня!», иначе я не найду дороги к тебе, – улыбка осветила лицо Генриха, а я густо по-

краснела. Слова? Какие слова? Я забыла, что умею говорить. Сидела в холодной бане, обхватив плечи руками, и тряслась. От страха? От счастья? Не знаю.

Пришла в себя только тогда, когда распахнувшаяся дверь выпустила морозный воздух, а за спиной раздался тихий голос:

– Я верил, что ты моя судьба.

– Ты не изменился, – сумела произнести я, поборов смущение. Мои плечи укутывал полушубок Генриха, его ладони согревали мои, а облачка наших дыханий смешивались. Мы сидели на ковре в пряничном домике, за его окнами играла вьюга, и в чуть приоткрытую дверь залетали снежинки.

– А ты осталась все той же девочкой, что верит в чудеса.

– И лицо мое испачкано шоколадом...

– Нет. Не в этот раз. Ты ... прекрасна.

Несмотря на холод, мои щеки загорелись.

– Мне кажется, я сплю, – я старательно подбирала слова, – желаю проснуться и боюсь этого. Желая, потому что невозможно поверить в то, что происходит с нами. Зеркала, твое появление, эти странные чувства... Сердце болит, но какой-то сладкой болью.

– Она зовется любовью.

– С первого взгляда?

– Со второго. Для первого ты была слишком мала, – его улыбка заставила пульс участиться. – А чего ты боишься?

Я вздохнула, собираясь произнести главное.

– Я боюсь разочарования. Я уже не ребенок... В этот раз, проснувшись, будет больнее осознать, что прекрасный принц...

Генрих не дал договорить, прижав пальцы к моим губам.

– Нет, разочарования не будет. Мой мир вполне реален. И я – не сон.

Его глаза были так близко, что я тонула в их глубине.

Голова кружилась.

Чужое дыхание опалило мои губы, а поцелуй заставил забыть, что нужно дышать.

Где-то в доме били часы.

Генрих, отстранившись на мгновение перед следующим, более легким поцелуем, тихо произнес:

– Рождество кончается. Ты должна решиться: пойдешь со мной или остаешься.

– А мама? Что я ей скажу? – пришла я в себя, разрывая объятия.

– Нет времени на прощание, двери вот-вот закроются. Нужно завершить ритуал.

– Ритуал?

– Сегодня ты его начала. Позвала суженого-ряженого. Меня, – заметив, как я побледнела, добавил: – Не бойся, ничего страшного тебя не ждет. Я протяну руку, стоя с той стороны, – Генрих слегка повернул голову, указывая на потайную дверь, – а ты вложишь в нее свою ладонь. И я никогда больше тебя не отпущу.

Генрих первым нырнул в открытую дверь пряничного домика, а я ... задержалась. Смотрела на протянутую ладонь и думала: «Что я творю? Куда иду? А как же родители? А вдруг дед, не выдержав моего исчезновения, умрет от горя? Он совсем старенький и у него больное сердце...»

– Агнешка!

– Я не могу, – слезы душили. Я стояла на коленях и смотрела на руку, которая тянулась ко мне. – Прости.

– Я люблю тебя, милая Агнешка, – в его голосе звучала грусть расставания.

Дверь начала закрываться.

– Каждое Рождество я буду ждать тебя здесь. Стоит лишь протянуть руку.

– Даже если моя рука будет трястись от старости? – Мысли в голове путались.

– Мы проведем ее вместе...

Дверь закрылась, а вскоре и вовсе исчезла. Осталась лишь гладкая стена и шелковистые обои без единого шва...

Жизнь не всегда складывается так, как мы хотим. Сделав свой выбор, я поступала разумно и дальше. Я часто думала о мире за дверью пряничного домика, о том мужчине, что каждое Рождество ждет, когда я вложу свою руку в его ладонь. Но решиться уйти в неизвестность, пусть и за человеком, что волнует меня, заставляет часто биться сердце, тонуть в слезах ночью и страстно желать увидеть вновь, я не могла.

Я выбрала ту реальность, что сулила простую жизнь и простые радости.

Через год я вышла замуж за пана Кравчика – нашего соседа. Он был надежным, добрым, искренним, одним словом – хорошим человеком, но я не испытывала к нему сильных чувств. Мне казалось, что и не могла. Они остались там, в пряничном домике, куда я не заходила почти пятьдесят лет. Мой муж и сын были тем островом, где я обретала покой и почти не думала о своем сказочном принце. Почти...

В первое же Рождество после смерти мужа я сняла простыню с пряничного домика. Что гнало меня туда? Любовь? Одиночество? Желание разделить с кем-то свое горе? Нет. Эгоистическое желание убедиться, что тот, думы о ком не покидали меня всю жизнь, все еще ждет. Что есть на свете что-то постоянное. Мужчина, который не уйдет, смертельно побледнев, хватая ртом воздух, не произнеся слов прощания.

Смахивая злые слезы, размазывая по лицу грязь от столетней пыли, что слетела с простыней, я почти убедила себя, что никто за дверью не стоит, я просто уже не нужна. Никому.

На улице звучал смех и нараспев произносились колядки, а я с замиранием сердца поворачивала ключ в замке.

– Ах, Агнешка. Ты пришла...

Я захлопнула дверь, прервав поток ледяного воздуха, и без сил опустилась на пол. Шквал чувств, взметнувшийся в

моей душе, ошеломил.

«Он за дверью. Он ждет».

И опять рациональное победило. А как же сын? А Катаржина? Протянуть руку тому, что ждет за дверью, и не попрощаться с теми, кого люблю больше жизни? Поступить так же, как мой муж, что своей внезапной смертью не дал сказать, как сильно я к нему была привязана, как благодарна за сына и годы спокойной жизни?

Когда Рождество отмеряло свои последние часы, измененная мыслями о прошлом, о будущем, я отправилась в баню. Зажгла свечи, поставила зеркала. Специально не стала прихорашиваться. Пусть видит, в кого я превратилась.

– Суженый–ряженный, приходи ко мне ужинать.

– Опять обманешь? – его изображение не сразу стало ясным, а потому, увидев знакомый контур, я закрыла лицо руками. Мне казалось, что Генрих совсем не изменился.

– Не прячь лицо. Ты прекрасна.

Седые виски, морщинки в уголках глаз, все та же широкая улыбка и такое тепло во взгляде, что я невольно заулыбалась в ответ.

– Ты по–прежнему прекрасна.

Я упивалась тем, как его взор ласкает меня, да и сама не могла оторваться от лица, приобретшего за время разлуки ту мужественную красоту, что делает и старца привлекательным.

– Рождество кончается, – напомнил мой принц через ты-

саячу лет тишины. – Но через год придет новое. И я опять буду ждать.

Зеркало померкло. А я так и сидела, глупо улыбаясь и не замечая холода».

Катаржина вздохнула, лихорадочно пересмотрела все листочки, но продолжения бабушкиной истории не нашла.

«Она ушла к нему». Лицо Каси было мокрым от слез. Тяжесть, что она испытывала после загадочного исчезновения бабушки, исчезла, словно странички, исписанные мелким почерком, оправдали ее поступок.

Теперь Кася понимала, почему бабушка не избавилась от странной игрушки. Она любила своего Генриха и всегда знала, что рано или поздно протянет ему руку. Уничтожить пряничный домик, все равно, что убить чудо, которое поселилось в нашем мире и связало ниточкой с чужим, волшебным.

«Интересно, а мой суженый–ряженный также годами будет ждать? И ждет ли вообще?» – посмотрев на часы, Кася выскочила из комнаты. Нашла ключи от флигеля и через пару минут стояла перед пряничным домиком. Быстро нацарапала на клочке бумаги записку для родителей, уже понимая, на что решилась. «Люблю. Не ищите. Со мной все хорошо». Выдохнула так, словно собиралась окунуться в ледяную воду.

Медный ключ тускло поблескивал в свете луны, глядевшей в окошко с резными ставнями. Дрожащие пальцы дотронулись до холодного металла.

«Что я творю?»

– Катаржина...

Мужская ладонь в проеме двери раскрылась в приглашающем жесте.

Кася медленно вложила в нее руку.

Конец